

Обида / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Обида / рассказ ОБИДА

Тетя Халима, услышав трель дверного звонка, хотела скорее встретить сына, но не спешила подниматься с постели. Ее невестка Дилдора, наверное, занята сейчас приготовлением ужина, и ей некогда открыть дверь. “Она невестка, так что пусть выполняет свои обязанности”, решила свекровь и, закрыв глаза, постаралась не слушать голоса, раздающиеся из прихожей. Возившаяся на кухне Дилдора, услышав не умолкающую трель дверного звонка, заметила, что у мужа кончается терпение. Она посмотрела на играющую на ковре двухлетнюю дочку Шахзоду:

– Доченька, сладкая, слышишь, папа пришел с работы! Иди к двери и поговори с ним! Скажи ему, что мама сейчас подойдет...

Услышав слово «папа», Шахзода, забыв о своих куклах и зайчиках, вскочила с места. Потом маленькими ножками потопала по коридору с громким радостным криком:

– Папа! Папа! Папа!

Стоявший за дверью Нодир, услышав голос любимой дочери, убрал руку с кнопки звонка. Но почему-то дверь не открылась, а голос дочери все повторял:

– Папа! Папа! Папа!

– Ну что там, почему не открываете дверь? – спросил Нодир, от усталости еле держа большие пакеты с продуктами. – Доченька, где твоя мама?

– Мама плов готовит! – тараторила девочка с другой стороны двери. – Мама сейчас придет!

– Ну... А где тогда бабушка? Солнышко, позови бабушку! Пусть кто-нибудь откроет эту проклятую дверь! – недовольно ворчал Нодир.

– Бабушка спит! – быстро ответила девочка, не замечая недовольство в голосе отца.

Тете Халиме хорошо были слышны разговоры сына и внучки. Да, конечно, она могла бы подняться и открыть дверь. Ведь ее сын

целый день работал, а потом еще зашел в супермаркет и закупил продуктов, принес их домой. Устал, наверное... Ах, сыночек... Она беспокойно перевернулась на другой бок. Тяжело вздохнула, но... не встала.

Мать была обижена и на сына, и на невестку. Раньше ее сын Нодир был очень заботливым. Придя с работы, долго разговаривал с матерью, играл с маленькой дочкой. И невестка Дилдора была ласковая, добрая, все время слушалась свекровь.

Неожиданно за один день изменились и сын, и невестка. Сын стал замкнутым, нервным, часто поздно возвращался с работы, был раздражен, не играл с любимой дочкой, все время хмуро сидел перед телевизором или ковырялся в телефоне. И Дилдора стала какая-то беспокойная, суевливая, молчаливая. Каждый день Нодир, приходя с работы, всю свою одежду оставляет в ванной, а Дилдора после ужина стирает ее. Иногда сын и невестка после ужина долго сидят на кухне и вполголоса разговаривают о каком-то вирусе. Но как увидят тетю Халиму, приближающуюся к ним, сразу прерывают разговор, невестка спешит на кухню заваривать чай, а сын снова утыкается в свой телефон или молчит.

Сегодня утром тетя Халима поссорилась с невесткой. Она собралась пойти в гости к своей подруге и хотела взять с собой внучку. Ведь двухлетняя Шахзода такая проказница, не дает матери ни минуты покоя: то слизнет серу со спичечной головки или любимый мамин крем для лица, то проглотит скрепки, упавшие на пол из документов папы. Тетя Халима сказала невестке, что она идет в гости к своей подруге и заберет с собой внучку, чтобы Дилдора спокойно занималась своими делами. В ответ на ее заботу Дилдора прочитала свекрови целую лекцию о каком-то карантине, вирусах, болезнях и умирающих в больнице людях.

Да, тетя Халима была в курсе, что в стране объявили карантин, но это ее не касается. Ведь она до сих пор была здоровой, да и сейчас практически ничем не болеет. И ее подруга здоровая, так почему бы не сходить к ней в гости? И еще... что это невестка раскомандовалась тут? Чем она недовольна? Тем, что свекровь позаботилась о ней и хотела помочь? Ладно, если не хочет отпускать ребенка, сама знает! Пусть мучается...

Тетя Халима разозлилась, ничего не ответив невестке, зашла в

свою комнату, быстренько переоделась и собралась уходить. Когда она обувалась, невестка протянула ей медицинскую маску: – Мамочка, наденьте маску!

Тетя Халима с отвращением посмотрела на невестку. Чего еще она придумала? Что, невестка уже издевается над своей свекровью? Тетя Халима не больная, так что ей незачем носить маску! Она, ничего не ответив, вышла из дома.

Тетя Халима целый день гостила у своей подруги. Они вместе лепили пельмени, поели, и потом она вернулась домой...

Вот, наконец, Дилдора закрыла крышку казана и подошла к двери. Хотя Нодир терял терпение, но, немного поговорив с любимой доченькой, уже смягчился. Поэтому, когда открылась дверь и жена протянула руки за пакетами, он устало проговорил:

– Подожди... Давай сначала антисептик!

Дилдора быстро достала спирт во флакончике с пульверизатором и начала брызгать на голову мужа. Нодир понюхал воздух:

– Не понял?

– Это спирт, – объяснила жена. – Антисептик закончился, поэтому я налила в пульверизатор спирт. Ну какая разница, ведь спирт тоже антисептик?

– Ну, ладно, давай быстрее! – приказал Нодир, указывая глазами на дочь.

Шахзода молча стояла возле шкафа для обуви, обиженно надув губки. Она привыкла к тому, что, вернувшись с работы, папа поднимал ее на руки и высоко подбрасывал, потом ловил. В такие моменты девочка громко кричала и смеялась. И ее мать улыбалась, и бабушка. И ей было радостно. Почему-то в последнее время папа перестал так делать. Сейчас мама обрызгает его вонючей жидкостью, потом папа поспешит в ванную и будет долго мыться. После этого он пойдет на кухню, и почему-то ему уже не очень хочется играть с дочкой...

Когда Нодир вышел из ванной, было видно, что настроение у него немного улучшилось. Он улыбнулся жене, которая поставила полный ляган плова на стол и салат из помидоров с огурцами. Потом он взял на руки молча сидевшую в углу дочку.

– Моя сладкая! – воскликнул он и поцеловал в круглые щёчки дочки. – Почему моя красавица дуется? – он обернулся к жене и

подмигнул. – Ну, кто обидел мою доченьку?! Дилдора, ты, что ли, обидела мою зайку? Ну-ка, давай, признавайся!

Дилдора вынужденно улыбнулась. А девочка, увидев обертку своего любимого шоколада, выглядывающего из нагрудного кармана папы, сразу забыла о своей обиде. Она быстро вынула шоколадку из кармана папы и весело улыбнулась.

– Вот и солнышко выглянуло! – довольно заметил Нодир, усаживаясь за стол. Только сейчас он заметил, что место мамы пусто, и вопросительно посмотрел на жену: – А где мама?

Дилдора, пожимая плечами, смотрела на дверь комнаты свекрови:

– Мама спит. Сходила в гости к подруге, вернулась недавно и с тех пор не выходила из своей комнаты.

– Что? Сходила в гости?! – воскликнул Нодир. – Ведь сейчас карантин! Запрещено ходить в гости! В стране каждый день минимум полтысячи человек заражается коронавирусом! Больницы заполнились больными, каждый день несколько человек умирает от этой проклятой болезни. Ведь я объяснил маме, что нельзя выходить на улицу, нельзя ходить в гости и все время надо носить маску, обрабатывать руки антисептиком. Дилдора, ты же сама врач, разве не понимаешь этого?!

– Почему вы все время меня обвиняете?! – уставшая за целый день от домашней работы и хлопот с маленьким ребенком, Дилдора заплакала. – Я врач, сидящий в декретном отпуске! Тем более я всего-навсего невестка вашей мамы! Я могла бы заставить свою мать сидеть дома, но свекровь не могу, понимаете?! Если сын не может объяснить своей маме всю серьезность ситуации, думаете, это может сделать невестка?! Ваша мама сколько хочет гуляет на улице, не носит маску, а когда возвращается с улицы, не только не умывается с мылом, даже руки не обрабатывает антисептиком. Нодир замолчал. Всегда веселый, задорный парень за несколько дней карантина стал замкнутым, мрачным, его смуглое лицо потемнело.

– Ладно... – Нодир поцеловал дочку в испачканный шоколадом носик, погладил жену по плечу. – Завтра я поговорю с мамой, в крайнем случае придумаю что-нибудь... – Он, посмотрев на жену, умоляющим голосом добавил. – Давайте кушать, плов остынет. Знаешь, я так устал, уже не могу говорить. Сегодня больных

было очень много. А после приёма ходил на вызовы. Каждый раз, когда заходишь в дом больного, думаешь «Не заражен ли он? Не заразит ли и меня?». Ведь вначале эту проклятую болезнь сложно отличить от простой простуды или гриппа... Ты же знаешь, я боюсь не за себя, просто не хочу ставить под угрозу тебя, нашу дочь и маму!

Дилдора молча кивнула...

– Знаешь, что? – Нодир несколько секунд смотрел на жену, потом кивнул головой чему-то, что только сам знал. – Я вот что думаю... Только ты не беспокойся, не плачь и не пытайся меня уговорить. Завтра убери дом, перестирай все, что успеешь, собери свои вещи и одежду дочки, а я отпрошусь на полдня с работы. И послезавтра рано утром отвезу вас к твоей маме. Раз моя мама не соблюдает правила карантина, то ты и Шахзода находитесь под большой угрозой. А я не хочу, чтобы вы заболели этим проклятым вирусом. Хорошо, хоть твоя мама живет поблизости. Ведь нам придется идти к ней пешком, а мне еще надо вернуться в поликлинику.

– А вы с мамой что будете делать?

– О маме не беспокойся, – как-то холодно ответил Нодир. – Раз ей не нужно заботиться о своем здоровье, ее дело. А я пойду работать в инфекционную больницу. Там не хватает врачей, а число больных день за днем растёт. Многие врачи и медсестры заболели, кто-то должен ведь их заменить. И я не могу сидеть в стороне и спокойно смотреть, как люди умирают...

Лежащая в своей комнате тетя Халима, конечно, слышала разговор сына и невестки. Когда Дилдора начала жаловаться на то, что свекровь свободно гуляет по улице, не носит маску, а когда возвращается с прогулки, не моет руки с мылом и не обрабатывает антисептиком, она сильно разозлилась! «Ах ты стерва! – подумала она. – Смотри-ка, как она обрабатывает моего сына, настраивает его против меня!».

А когда сын посоветовал жене уехать к своей матери, она почувствовала, как ее сердце затрепетало, потом ее слегка затошнило. Она схватила эринит, положила его под язык. Долго лежала, заставляя себя успокоиться. И незаметно уснула...

Как обычно, тетя Халима утром рано проснулась, села и

прислушалась к себе. Вроде, сердце успокоилось – стучит тихо, спокойно. И голова не кружится, значит, и давление не повысилось. Она успокоилась, прочитала утреннюю молитву – бамдад, потом оделась потеплее и, стараясь не шуметь, вышла на улицу.

Хотя уже конец апреля, но по утрам было еще прохладно. Воздух чистый, приятный, вокруг тишина. Транспорт остановился – не ходят автобусы, такси, легковые и грузовые автомобили, самолёты не летают. А вокруг многоэтажных домов не видно людей, выгуливающих собак, ни бегающих по утрам старых «спортсменов», ни собирающих баклажки бомжей, даже молочниц, продающих молоко.

Пусто. Тихо. Карантин.

Тетя Халима повернула в сторону школы. Там на стадионе обычно по утрам собирается молодежь: кто-то бегают, кто-то занимается на турниках, а третьи играют в футбол. Спозаранку здесь можно увидеть и старых людей. Они медленно гуляют по дорожке вокруг школы и спокойно беседуют. Если устают, то садятся на скамейки, установленные рядом с дорожками, и начинается нескончаемая беседа.

Но сейчас и дорожки вокруг стадиона были пустые: из-за карантина старикам запрещено выходить из дома. Им нельзя выходить даже на утреннюю прогулку.

Тетя Халима два раза обошла вокруг школы, ей показалось, что сердце начало сильнее стучать. «Устала, наверное», – подумала она и присела на скамейку. На другом углу скамейки сидели два мальчика лет пятнадцати.

Тетя Халима долго сидела, пытаясь отдышаться. Наконец сердце отпустило. Теперь ей стало скучно. Оказывается, неинтересно сидеть одной, не разговаривая ни с кем. От нечего делать она начала оглядываться вокруг. Но ничего интересного не заметила. И стадион, и дорожки, и улицы были пустые. Ни души. Кажется, в мире все затихло и не осталось никого, кроме этой старушки и двух мальчиков, уставившихся в смартфон.

Вдруг на ветке дерева начала тараторить сорока. Тетя Халима вздрогнула и невольно посмотрела на мальчиков, сидящих рядом с ней. Только теперь ее уши уловили какие-то знакомые звуки. Что

это? Она прислушалась. А, это же сура Корана, которую читают во время жаназы . Голос раздается из телефона мальчика, сидящего рядом с ней, а подростки сидят, не отрывая своих черных глаз от маленького экрана телефона.

Тетя Халима мельком посмотрела на экран телефона, но без очков ничего не увидела. А приятный голос мужчины продолжал читать знакомую суру. Теперь женщине стало интересно, и она придвинулась поближе к мальчикам. Вот теперь видно, что там на экране. Какая-то комната с белыми стенами. Посередине высокий стол, на нем расставлен продолговатый, завёрнутый в целлофановую плёнку предмет. Рядом со столом стояли три человека в защитной одежде, похожей на скафандры космонавтов, только белого цвета. Один из этих «космонавтов» приятным голосом читал суру из Корана, а двое стояли с открытыми ладонями. Вот он закончил чтение, все приложили ладони к лицу, потом вышли из комнаты.

– Что это? – невольно спросила тетя Халима, тыча пальцем в экран.

Мальчики, внимательно смотрящие видео, вздрогнули от неожиданности. Несколько секунд непонимающим взглядом смотрели на старуху, потом один из них кивнул головой.

– Тетенька, это заупокойная молитва, – объяснил он.

– Это я поняла, но эти... люди, что они делают?

– Тетенька, этот человек умер в больнице от ковида где-то на Филиппинах или в Малайзии, точно не знаю, – объяснил уже второй мальчик. – Вот сейчас врачи прочитали молитву, и теперь его будут хоронить.

– Но... как? – женщина была в шоке. – Но его, я имею в виду труп, – надо же обмыть, положить в саван, провести похоронный ритуал, а потом хоронить?

– Вирус очень заразный, так что его нельзя хоронить обычным способом, – очень серьезно начал объяснять второй мальчик. – Так что умершего в морге обрабатывают дезинфицирующим раствором, там же проводят обряды, оборачивают специальной целлофановой плёнкой, потом передают тело родственникам.

– Боже мой!

Тетя Халима была так потрясена, что машинально встала со

скамейки и направилась домой. Мальчики удивленно посмотрели вслед старушке, но сразу забыли про нее и опять уставились в маленький экран.

Тетя Халима медленно шла домой и думала о том видео, которое только что посмотрела. «Боже мой, что это такое? – думала она про себя. – Человек долго мучился от болезни и в конце умер в больнице – в одиночестве, вдали от близких, и даже тогда, когда отправился в последний путь, не мог проститься с родными, сказать последнее прости. Когда он мучился от болезни, задыхался, рядом с ним не было ни одной родной души. В его последние минуты с ним были не дети и близкие, а врачи. Когда он умер, заупокойные молитвы тоже читали врачи...».

Тетя Халима невольно ахнула. Она была в таком ужасе, из глаз текли слёзы. Для неё самое ценное на свете – дети и близкие. Без них не было смысла в жизни. И она очень боялась одиночества. А смерть в одиночестве ей казалась самым большим наказанием.

Вместе с видео, которое она посмотрела на стадионе, к ней пришло озарение. Только теперь она поняла, что за тяжелое и опасное нечто угрожает людям ее страны, ее близким. Эта зловещая болезнь, которая приговаривает людей к страданиям и смерти в одиночестве, угрожала не только ее стране, но и всему миру. Также поняла, что своим пренебрежением она подвергает опасности своих близких: внучку, невестку и сына, особенно себя. И, наконец, она поняла причину, почему ее сын обижен на нее, почему невестка все время хмурится и вздыхает.

– Боже мой, какая я была дура! – шепнула старая женщина и ускорила шаг.

Она хотела скорее прийти домой, поцеловать сына, невестку и внучку и поблагодарить Бога за то, что они есть у нее, пообещать им впредь соблюдать правила карантина, что не приведет в свой дом эту зловещую болезнь, постарается не заболеть...

Когда она пришла домой, Нодир, даже не позавтракав, ушел на работу. Заплаканная Дилдора убиралась, в ванной комнате угрожающе ревела стиральная машина. Рано проснувшаяся Шахзода путалась под ногами, мешала маме, поэтому Дилдора иногда

покрикивала на нее.

Дилдора, открыв дверь свекрови, поздоровалась с ней и опять направилась на кухню. А Шахзода, сидевшая в углу, увидев бабушку, улыбнулась и побежала в ее сторону.

– Нет, нет, солнышко, с тобой поцелуемся потом. Пусть сначала твоя мама обработает меня антисептиком. Эй, Дилдорахон, куда идете? – позвала невестку тетя Халима. – А меня кто будет обрабатывать антисептиком?

Дилдора остановилась, круто обернулась к свекрови и застыла на месте. Тетя Халима улыбнулась.

– Ну, что стоите, брызните побольше, я же с улицы пришла!

Лицо Дилдоры прояснилось. «Слава Богу, значит, будем жить в своем доме», подумала она и взяла флакон антисептика в руки.

Гулноз ТАДЖИБАЕВА.

Перевод с узбекского Мухаббат Юлдашевой. Некаʻалар